

A black and white close-up portrait of a man with dark, wavy hair, looking slightly downwards and to the right. The lighting is dramatic, with strong shadows on the right side of his face.

Георгий Бурков

Дневники,
размышления,
сюжеты

12+

Георгий Бурков

**Георгий Бурков. Дневники,
размышления, сюжеты**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бурков Г. И.

Георгий Бурков. Дневники, размышления, сюжеты /
Г. И. Бурков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Георгий Бурков не писал мемуары. Он вообще выпадает из общего контекста. Только наедине со своей совестью перед листом чистой бумаги, которому доверяет свои сокровенные мысли. О стране, народе, театре и о жизни, где ему судьба преподносила встречу с интересными людьми. Дневники, в своем роде, пророческие, с болью в сердце обо всем, что так было дорого ему. И вот Георгий Бурков, которого все знали как прекрасного актера, режиссера, сценариста, открывается перед зрителями совершенно с незнакомой им стороны. Глоток чистого воздуха - определение, который дает народ, читая отрывки из дневников Георгия Ивановича.

Георгий Бурков

Георгий Бурков. Дневники, размышления, сюжеты

Последние годы жизни Георгий Иванович Бурков посвятил созданию центра русской культуры, с деятельностью которого связывал все свои мечты и планы. Этим мечтам не суждено было свершиться – 19 июля 1990 г. Георгия Ивановича не стало. И все же, по инициативе Т. С. Ухаровой, в феврале 1991 г. был создан Культурный центр имени Г. И. Буркова. Эта книга увидела свет благодаря работе Центра с богатым литературным наследием подлинно народного артиста, организационным и финансовым возможностям SHA International Ratings Center, World Federation of Restaurant Sports, международному издательству «Честь имею» и личному участию Alex Rabinovich.

Культурный центр имени Г. И. Буркова благодарит за помощь в осуществлении данного проекта А. Л. Рабиновича, Ю. Н. Жданова, М. М. Мирзоева, В. В. Хащанского, А. Е. Муромского и И. Е. Клокова.

При поддержке Полномочного представителя ЖKKP в МПА СНГ Н. А. Сатвалдиева

Предисловие

Очень часто, стоя у могилы на Ваганьковском кладбище, я слышу: «Как – Бурков? А разве он умер?»

Я понимаю это как нежелание в это поверить. Да, трудно поверить в смерть человека, заставившего остальных людей смеяться, фразы комедийных героев которого стали крылатыми. Да и его оптимистически заряженная энергия, казалось, не могла иссякнуть. Ему не давали его возраст. Но ему было 57 лет 19 июля 1990 года, когда его не стало. За час до смерти он сказал мне одну фразу, но я настолько не думала, что она будет последней, что вот уже долгие годы слышу то «Продержусь сколько смогу», то «Я, наверное, умру». И даже не пойму, почему меня это так мучает?!

Пока будут идти фильмы с участием Жоры, зрители его будут помнить. Надеюсь, с улыбкой, хорошо. Будут вспоминать знакомые, друзья, коллеги. Будут переживать режиссеры, у которых он не сумел сняться, не успел. Но все это скоро станет историей.

И скоро уже на Ваганьковском, наверное, я услышу: «А это кто? – А это был такой артист, снимался в комедиях Рязанова...» и т. д.

В 1964 году Театр им. К. С. Станиславского переживал свой подъем: молодая талантливая труппа; пришел, не боюсь этого определения, гениальный режиссер Б. А. Львов-Анохин. Все радостные, в предчувствии открытий и великих свершений. Все уже знали, что Б. А. пригласил из провинции артиста, который показывался с «Записками сумасшедшего». Все по-разному говорили о нем, но сходились в одном: в необычности, в непохожести на устоявшиеся каноны театрального типа.

«Танька, смотри, твой пришел...»

Именно после этой фразы, сказанной в толпе молодых тогда и прекрасных артистов Театра Станиславского, я увидела довольно странного, необычного человека. Вошел худой, высокий, в очках, в красном свитере с белыми крапинками (мухомор), в брюках из тяжелого сукна (сшитых мамой) человек.

Подогреваемая друзьями, да и свое любопытство взяло верх, я подошла к доске объявлений и весело произнесла: «Я – Ухарова». – «Я – Бурков». Сигнал был принят молниеносно. И дальше: «О, да я, кажется, вашего отца должен репетировать?» – «Да нет, это я – вашу дочь». Нет, «любовь с первого взгляда» – такой фразы не будет. Но с первого взгляда меня пронзило что-то жутко-другое, отличное от того, что я чувствовала раньше. Прошли немалые годы, и сейчас трудно анализировать, закрадывается тут и доля неправды. Но что было точно – это глобокая доброта и совершенное отсутствие цинизма. Это очень располагало к доверительному общению, к разговору. Так и случилось: под многозначительные улыбки и реплики друзей мы вышли вместе. «Вам куда?» – спросила я. «А вам?» – ответ вопросом. «Направо». – «Ну, и мне туда». Вот так. Слышу каждое слово. И не знаю, чем бы закончилась эта встреча, если бы уже на остановке мы не вышли на нашу «общую болезнь» – «Маленький принц». Благодарю наш транспорт, автобуса не было минут сорок. Да, впрочем, я на нем и не уехала. Сыграть нам сразу не случилось. Тогда была прекрасная актриса, Ольга Бган, да и герои были другого вида. Но впоследствии мы это играли, только Жора был Лис. Я даже вижу улыбки на лицах некоторых, даже усмешки: «Ну уж, прямо так, встреча на творчестве?» Да, представьте себе, сначала так, а потом – как у вас, как у всех. 25 июня 1965 года мы поженились, даже не подумав, что нам негде жить, да и есть маловато что. После борьбы за общежитие мы там прожили восемь счастливых, молодых лет, где в 1966 году родилась наша дочь Маша, и «Зося» – первый фильм с Жориным участием.

Мне сейчас кажется, что мы жили не свою совместную 25-летнюю жизнь, а прожили жизнь другого Человека, имя ему – Театр. Это к тому, что если бы я захотела описать все планы, идеи, замыслы – их так много было (очень много неосуществленных), – то мне бы не хватило сил, времени, бумаги.

Когда раньше я слышала, что «жизнь короткая», – я верила, а теперь – я знаю. Было все, как и у всех. Радость всегда как-то была общей со всеми, а отчаяние – только с нами. Но мне никогда не хотелось ничего другого.

Двадцать пять лет жизни с любимым человеком, с которым почти не расставалась, – это ли не счастье, да еще с добрым, талантливым. Казалось, мы настолько знали друг друга, что, как говорится, и слова не нужны. Но это – ошибка, моя жуткая, обидная ошибка.

Жора все время писал. В первый же день нашего знакомства он достал записную книжку и что-то записал. Я что-то сострила, он промолчал и только улыбнулся. Так он себя вел и потом, когда кто-нибудь говорил: «Жор! Ты что, досье составляешь?!» Он молчал и улыбался. С годами он все чаще и чаще доставал из кармана книжку, везде: в театре, на съемках, в транспорте, просто на улице. А дома даже нервничал, когда его отвлекали едой, телефоном и т. д.

Он никогда не читал вслух написанное. Мог потом (я сейчас так думаю) поговорить на тему.

Как трудно сейчас признаться, что я мало, наверное, его понимала.

Эта жизнь – повседневность, однообразие, пусть даже счастливое, быт, неустроенность и прочее и прочее. Все это как бы отвлекло от глубинного проникновения в жизнь любимого человека. И сейчас, когда я разобрала (боже, какое грубое слово!) огромное количество записных книжек, тетрадок и тетрадочек, так им любимых, я просто обязана, я должна дать это прочитать всем: кто помнит, кто любит, кто плохо знает или, как кому-то кажется, «хорошо знает», кто не любит или не помнит. Всем, кому хорошо и кому плохо.

Он всю жизнь готовился к большой литературной работе, но, кроме огромного количества интервью и газетных статей, ничего не печатал, да и нечего было, – все готовился.

Вот эта подготовка и стала его главной жизнью ума. И жизнь эта была дико интенсивной, нервной и прекрасной.

Повторяю, он не готовил эти книжки к публикации, даже напротив, писал для себя. Но вот смотрю на своего внука Жорика и думаю: пусть печатают, может, хоть кто-то из наших

внуков прочтет записные книжки, написанные в разные времена не президентом, не политиком, не диссидентом, а артистом (даже не народным – это звание ему дал народ), прекрасным, добрым и простым человеком.

Т. С. Ухарова (Буркова)

Часть I

Жизнь человеческая

Повесть о том, как я родился, жил и умер, так и не догадавшись ради чего. Миг

Из дневников 1953–1959 гг.

Воспоминания детства. Школа № 11. Госпиталь. Актальный зал, заставленный койками. Коридоры заставлены койками. В вестибюле стоят только что принесенные носилки с ранеными. С раненых не сняты шинели. Это толкает на неприятные мысли, что война совсем недалеко. Думается о нелепости и безумии войны. Зачем нужна она? Кому она нужна? Раненых возят на трамвае, двери в трамвае сделаны сзади. Рельсы проходят мимо наших окон, поэтому я часами наблюдаю, как торжественно тихо и с осторожной деловитостью обслуживающий персонал госпиталя выносит полуживых людей. Иные раненые поворачивают голову набок и широко открытыми глазами осматривают улицы. Непривычно, видимо, наблюдать спокойные дома, не разрушенные снарядами, слушать эту напряженную тишину. Кино в госпитале, и мы, подшефная бригада школьников, с не менее сильным желанием смотрим новые фильмы. Затем фельдшерское училище. Футбол, спорт. Бабы, девки. Сад напротив. Сценки. «Драматическая» сцена ревности. Летчик прибыл на побывку, устроил скандал своей жене в саду. Мы с любопытством наблюдали за ними. Летчик откупился от нас пачкой папирос «Казбек».

– Да, бьют французы наших! – проговорил В. после просмотра французского фильма, когда мы, стиснутые в толпе зрителей, выходили из кинотеатра. Мне не понравилось и то, что он считает себя знатоком искусства, и то, что он поклоняется французскому искусству, не упуская случая везде, к месту и не к месту, заговорить о заграничных достижениях (косвенно намекая на «застой» нашей культуры), не понравилось и то, что говорил он это все громким «баритоном», гораздо громче, чем это требовалось для того, чтобы я услышал.

* * *

В праздничные дни у Димушки мы все – Димушка, я, Валька, Борис, Толя – слушали патефон. Голоса неузнаваемо уродовались патефоном: баритон, тенор, бас – все пели какими-то лилипутскими голосами. Но это не мешало нам наслаждаться праздником. Особенно я любил слушать песни о матросе Железняке и «Москва майская».

Школа, дружба, юность, разные пути, любовь, зрелость и прочее. Уже не те. «От дружбы нашей остались жалкие обноски и красивые слова». Детство, юность. Совместные вылазки на речку. Купались. Ребята демонстрировали класс плавания. Девчонки «плавали» около берега, положив голову на вздутую наволочку. Дружба. «Два капитана». В дождь под одной палаткой. Годы прошли. Нет уж той прелести юности. Но почему?! Зошенко. Анекдоты. Философия. «Когда вы, ребята, подрастаете до 30 лет и расстанетесь с иллюзиями детства (с идеями социализма), когда вы станете, как и все, подлецами, то вам приятно будет вспомнить ошибки молодости».

Когда человек ругает что-нибудь, осуждает или просто констатирует, то делает это с определенной целью. Или он критикует с позиций противоположности. Или он, доказывая, к примеру, что окружающая нас жизнь несправедлива и пошла, хочет этим завоевать себе моральное право на такую же пошлую и несправедливую жизнь. «Все звери – и я буду зверем». А про-

сто так критиковать, объективно, никто не будет жизнь. Обязательно с целью, иногда с умело завуалированной и непонятной для собеседника, но для себя всегда точной и понятной.

Когда тебе бессовестно говорят неправду, в тебе все возмущается. Задето сердце. Когда же тебе говорят правду – страдает самолюбие. Оно точит тебя, и ты задыхаешься в бессильной злобе. В первом случае в драку лезут люди без разбора. Во втором – прикинув, кто сильнее. От неправильных занятий, от неправильной направленности занятий одаренные люди проходят мимо цели или идут к ней окружным путем, растеряв по дороге много времени и сил. Некоторые люди изучают науки, не понимая, для чего это они делают. Им нужны знания для того, чтобы сдать экзамены, получать стипендию, а потом получить диплом для того, чтобы послали на работу.

Если у человека нет большого кругозора и народного передового мировоззрения, каждая мелочь ему кажется значительным событием в жизни, главное же пропускается мимо, как второстепенное. Одним словом, этот человек не сможет понять, где в жизни главное и где второстепенное, и, следовательно, не сможет правильно распределить свои силы, будет жить вхолостую.

Когда видишь несправедливости, когда веришь во что-то, когда в жизни что-то любишь и ненавидишь, тогда можно писать. Но писать не для того, чтобы величаться писателем, а для того, чтобы защитить то, что страстно любишь, от того, что всей душой ненавидишь.

Когда у человека нет большой мечты, настоящей, он не стремится ни к чему, живет сегодняшним днем, его засасывает болото мещанства и обывательщины. Он начинает чувствовать, что ему мешает что-то, чего-то ему недостает, порой он начинает понимать, что из него получился бы неплохой художник, врач, музыкант, начинает винить кого-то в гибели своего таланта и т. д. И никогда не понять ему истинной причины своего падения.

Он жил для себя, а не для людей.

Чтоб найти большую цель в жизни, нужно пробить скорлупу эгоизма, взглянуть на жизнь глазами трезвого и умного историка, понять, для чего живут, жили и будут жить люди.

Человек должен жить завтрашним днем. Без мечты нет смысла жизни. Мечта о завтра начинается сегодня. Она отталкивается от сегодня.

Красота – это простота, доведенная до совершенства.

* * *

Театр или литература? Что предпочесть? И то, и другое? А это возможно? Попробую. Думаю, что со временем одно займет по праву ведущее положение. А сейчас: и то, и другое, и литература, и театр. Уходит молодость! Вечный вопрос. Надо работать, учиться, гнаться за славой, за карьерой, за деньгами. Но в то же время твои желания просят их удовлетворения.

В летние вечера воздух на Каме удивительно прозрачен. Видны не только домики на той стороне, но и окна на домиках, двери. Лес, который весной, осенью и зимой выступает одной зеленовато-серой массой, сейчас виден так, что можно точно определить породу деревьев на опушке его. Даже тот лес, который сливается с горизонтом, даже и он выступает зеленым недалеким массивом.

Как быть? Или упустить молодость, но исполнить свой долг перед человечеством, или любить и гулять?

Творить свою любовь. Вот оно, предназначение человека на земле.

* * *

Задал себе кучу работы, и сейчас мучает предчувствие, что не справлюсь с ней. Начал сегодня читать Герцена. Какая-то мучительная тоска гложет меня. Опять я не у места.

Родители ничего не говорят – любят они меня, неблагодарного, – и все равно неловко перед ними мне. Снова один на один с книгами. Друзей нет.

В десятом классе я впервые влюбился. Я был покорен красотой и милой простотой Г. Стройная фигурка, чуть-чуть склоненная набок красивая головка, улыбающееся личико, обрамленное кудрявыми каштановыми волосами. И что больше всего мне нравилось в ее лице – это ямочки на пухлых щечках. В такую невозможно не влюбиться. Она часто в полдень проходила мимо моих окон. Быстро, с женственной грациозностью, в темно-зеленом бархатном платье, проходила она мимо моих окон, «как мимолетное виденье». Улегшись вечером в кровати, я долго думал о ней, предавался несбыточным фантазиям. Во всех этих фантазиях я выступал как благородный рыцарь или знаменитый артист, а она восторгалась моим мужеством или хладнокровием (в зависимости от обстоятельств) или была потрясена моим актерским мастерством.

* * *

Мне нужен друг настоящий, которому свободно, без комментариев можно будет доверить душу свою, всю без остатка. Такой друг мне нужен, чтобы понимал меня с полуслова, как и я его. Найду ли я его? А найти надо, непременно надо. Тогда и жить будет радостней. Ведь столько сил прибавляется, когда рядом с собой чувствуешь человека, преданного друга, верящего в тебя и в полезность твоих трудов.

Вспомнил, как несколько дней назад я беседовал с В. Разговор касался и моего ухода из университета, и вопросов любви, и вопросов литературного творчества. Говорили об однокурсниках. В. стала уверять меня, что я – талант, не гений чуть ли. Дескать, ты можешь рассказы писать замечательные. Я «скромно» стал отнекиваться, дескать, где уж нам уж. А самому приятно, страсть! Сколько мало требуется для того, чтобы удовлетворить, усыпить мое самолюбие. Меньше таких комплиментов выслушивать – безопаснее жить. А то я уж и записную книжку свою вытащил и пошел философствовать. Гадко.

* * *

Слушаю сейчас музыку – польку ленинградскую – и весело на душе. Когда слушаешь хорошую бодрую музыку, обязательно хочется делать что-то очень трудное, серьезное, а потом веселиться, буйно, до неприличия. А может быть, пройтись в задумчивом вальсе. Да еще с любимой девушкой. Хорошо! Великая вещь – музыка! Что бы человек без нее сделал? Ведь вот кажется, что музыка не кормит человека, не одевает его, не греет, а жить без нее человек не может. Почему бы это так?

* * *

Человек очень редко думает о себе со стороны. Он действует и думает о жизни и о людях от себя, т. е. всегда исходя из того, насколько то или иное событие важно для него, полезно, нужно ему, задевает его. Об остальном он если и думает, то очень спокойно и холодно. И вдруг выпадает такой момент, когда человек посмотрит на себя со стороны. Как будто совершенно посторонний человек оценивает его, сравнивает с другими, с окружающими. В голову лезут жестокие вопросы: ну а чем ты лучше, а? А ты разве не так же бы поступил, а? А ты кто такой? Ну а чем ты его умней? И быстро скользнув по дну души, эти раздражающие мысли надолго исчезают.

* * *

В детстве я ждал чего-то от жизни необыкновенного. Перед каждым праздником я видел, как взрослые готовятся к чему-то из ряда вон выходящему. Я заряжался, как электричеством, этим настроением от взрослых. Я ждал, что вокруг меня все изменится, осветится новым для меня светом, изменится что-то и во мне. Но проходил праздник, люди веселились, ходили

на демонстрацию, устраивали вечера, но все это быстро проходило... и снова обыкновенная жизнь. Какой-то обман!

* * *

Мокрая осенняя погода. В комнате темно и неуютно. Целый день льет дождь. С утра до вечера просидел я дома.

Группа деревенских мужиков на рыбалке делят рыбу. Маленький, жилистый, но крепкий мужик, Логиныч, повернулся спиной к трем-четырем кучкам рыбы, другой стал показывать на кучки рукой и спрашивать: «Кому?» Логиныч отвечал: «Тебе», и т. д. Осталось две кучки, Логинычу и Кривому, в одной из них была большая щука, которую желали получить все. «Щука-то цела?» – спросил Логиныч. «Ыхы», – ответил Кривой. «Кому?» – спросил снова мужик, указывая на кучу со щукой. «Кривому».

Осень управление природой взяла в свои руки. На деревьях не видно уже и желтых листьев. Без листвы они выглядят маленькими и жалкими. Весной и летом они напоминают молодых и сильных богатырей, а сейчас превратились в дряхлых стариков. От того, что деревья голые, их кажется меньше, чем было летом. Здания приняли тоже какой-то скорбный вид, как будто с них, как и с деревьев, спали невидимые листья. Люди стали одеваться теплее. Холодный воздух предупреждает людей о скорых заморозках. По вечерам, несмотря на неприветливую погоду, на улицах бродят шумными толпами студенты и школьники. Первое время занятий – самая радостная пора учебы. Нет никаких забот, экзамены, зачеты, контрольные – все впереди, они еще не показались на горизонте. Можно веселиться. Погода та же. И на душе то же.

1-й литературный набросок к задуманному роману «Гоголи»

Тихон Платонович всю жизнь прожил в деревне. Его дом стоял в середине села. Когда он женился, его младшему брату исполнилось 2 года. Взял он в жены девку из соседнего села. Девка не из красавиц, но ладная, работающая. Отпраздновали богатую свадьбу. С венца резвые кони провезли их мимо двора на гумно. «Несчастливо жить будут», – заметили старики. Сначала жизнь шла хорошо. Но вскоре Тихон, страстью которого была торговля, стал от постоянных неудач в спекулянтских комбинациях пить. Жена его стала сдерживать. Он стал бить ее. Запер однажды в чулан и продержал там целый день голодом. Она просидела бы еще дольше, но ее выпустила семилетняя дочь Анюта. После смерти жены Тихон Платонович женился вторично на засидевшейся невесте Наталье, красивой, но припадочной бабе. После свадьбы припадки у нее прошли. Жили они без ссор. Анютке исполнилось 16 лет. Статная и высокая девка из нее вышла. Но жить в доме отца было трудно. Он стыдился при дочери ласкать свою молодую жену и вымещал зло на дочери, по-прежнему торговал, пил при неудачах, кутил. Младший брат Иван, взрослый парень, жил с отцом в соседнем доме. Он заметно богател. Однажды он стащил у Тихона короб с сапогами, который тот приготовил для продажи. Дело замяли.

Анюта часто бывала у учительницы, которая жила напротив них. С ней-то она и решила убежать в город. Убежала, забрав материны старые кофты и еще кой-какое белье. Устроилась горничной в богатый дом. Отец хватился ее на другой же день. Анюта получила письмо от отца, и сердце сжалось от страха в предчувствии наказания. Отец приехал скоро на лошадах. Не ругался, не дрался. Обратно ехали молча. «Замуж тебе пора, Анюта, вот что. Ты думаешь, что я сердитый, злой...» И Тихон рассказал ей всю свою тяжелую жизнь, рассказал, как он всю жизнь мечтал выбиться в люди.

Через месяц, как они приехали в село, сыграли Анютину свадьбу. Жениха он нашел в кабаке. Серега только что вернулся после сплава, приделся, приосанился, и Тихону Платонычу он показался подходящим женихом. Он был на полголовы ниже Анюты.

* * *

С утра идет мелкий холодный дождь. Идет он с таким неослабевающим ритмом, что сразу же уничтожает всякие желания переждать его. Ни одного намека на скорое окончание. Завидная прямота в обращении с людьми. На улицах много людей. Ходят по своим обычным делам, не обращая внимания на дождик, – если на него и обращать внимание, так он от этого не перестанет идти, это люди отлично знают. Такая погода обычно на людей нагоняет какую-то необъяснимую тупую скуку. О чем-то жалеешь (хорошо чувствуешь, что жалеешь), но о чем – непонятно. Но не на всех людей производит осень такое действие. Меня она настраивает на рабочий тон, сосредотачивает на одном – работе. Рабочее настроение. Весна действует на меня разлагающе, расслабляюще.

Жизнь представляется мне в такой аллегории. Жизнь – это широкая, ухабистая, бесконечная дорога. И вот по этой дороге идут люди. Одни чуть впереди, другие чуть поотстали. Куда идут люди? Спроси. И каждый ответит по-своему, непохоже на других. Один спешит нарвать букет цветов, растущих у дороги, стараясь не пропустить ни одного красивого. Другой знает, что через 10–20 км будет красивый дом, он останется в нем и не пойдет дальше. Хватит. Свое отходил. Пускай другие идут, а я отдохну. Третий сел на шею четвертому, свесил ноги и развлекается, смотря на остальных. Пятый идет-идет, так и умирает в дороге, на ходу.

* * *

Настоящее чувство – это искусство больших мыслей и чувств. В каком бы жанре – в комедийном, в трагедийном ли – ни было создано произведение искусства, оно не имеет права относиться к настоящему искусству, если не отвечает этому требованию.

* * *

Ожидание было томительным и беспокойным. И когда я уже выходил из Мавзолея, мной овладело непонятное чувство неудовлетворенности, чувство обманутого кем-то человека. Я ждал чего-то необыкновенно торжественного... А увидел обыкновенного лысого человека с зеленовато-бледной кожей на лице и руках, с маленькой рыжей бородкой и огромным лбом. Вразрез с моими ожиданиями шла и та привычная деловитость, с которой работники органов безопасности командовали людским потоком.

Почему в людях живет тяга к боготворению отдельных личностей – вождей, богов и пр.? Что это, следствие индивидуализма?

* * *

Горе одного человека может тронуть одного-двух-трех людей, переживших подобное в жизни. Но горе многих людей поймет каждый. И вот человек, сумевший выразить большое человеческое горе и заставивший многих людей пережить это горе вместе с ним, этот человек – гений. Я говорю не только о горе: можно выразить любые человеческие чувства и переживания.

* * *

Очень странно ведет себя человек наедине с собой. Иду, навстречу движется неприятный мне знакомый человек. Я здороваюсь, он небрежно кивает. Проходим. Чувство неловкости и унижения. «Кхх!» – мысленно стреляю в него. Иду в сортир. В голове: «Выступает народный артист Союза ССР Бурков» (бурные аплодисменты). Это, должно быть, чтобы заполнить чем-то бездумную минуту. Или при воспоминании неприятного – подергиванья, обезьяньи ужимки.

О фантазии. Моя фантазия развивается в бытовом, комедийном, немножко в пошлом направлении. Она – фантазия – немножко чувственна (да и не немножко! – честно если сказать). Направление правильное. Нужно следить за своей фантазией и направлять ее, воспитывать.

Жизнь нужно отражать в той пропорции, в какой она есть на самом деле. Это требование не обязательно для произведений малой масштабности, но для эпопей это требование обязательно. Пусть коммунистическое движение – правильное движение, но когда берешься описывать его зарождение и первые шаги, изображай его так, как оно было, а не так, как оно принято (это общая ошибка почти всех произведений нашего времени о начале коммунистического движения).

* * *

Дневник я начинал не один раз. Начинал его в 4-м классе, в 8-м классе, после я записал чуть не целую толстую тетрадь, когда уже учился в университете. Но никогда, ни в одном из этих случаев дневник не нужен был мне так, как сейчас. В 4-м классе я просто готовил себя в гении, в 8-м классе – то же самое. Правда, в университете мне нужно было вылить куда-то свои чувства, мысли, сомнения и пр. Но это было явление временное и недолгое. К тому же не было искренности. Сейчас дневник мне необходим.

Сейчас моим родным и близким знакомым кажется, что я занят только тем, что усиленно готовлюсь для поступления в институт кинематографии на режиссерский факультет. Попаду ли я во ВГИК – это уже не будет играть большой роли в моей дальнейшей судьбе.

Не могу окончательно уяснить себе цели своего дневника, да и цели дневника вообще. Для чего он? Для потомков? Для последнего тома собрания сочинений? Для самого себя, чтобы прочесть на старости лет? Или, наконец, просто тренировка памяти и ума? Без ясной цели, без определенно поставленной задачи нельзя начинать даже самое мало-мальское дело. Дневник должен стать моим воспитателем, перед которым я не должен утаивать ничего и перед которым я не должен терять стыда.

Сейчас в душе моей – вакуум, как называют пустоту американцы. Но это не простой, вернее, не пассивный вакуум, не просто пустота. Совсем недавно на ее месте были кучи мусора, разного хлама. Я вымел все (не все, конечно, но чистку провел основательную) и поставил заслонки со стороны этого мусора, чтобы он не проник обратно, не заполнил вакуума. С другой стороны, я открыл все, но, странное дело, оказывается, недостаточно только открыть душу для хорошего, нужно втащить его самому, причем постараться для этого необходимо не один день, а месяцами, годами втаскивать по крупинкам, по зернышку, стаскать все зерна и ждать, пока каждое прорастет и даст плоды. А мусор в это время прет на твои заслонки, и нет сил сдержат. Да и соблазн берет: приоткрою, взгляну на этот хлам – может, он за это время изменился, стал лучше? А он и впрямь изменился, опрыснут какими-то красками, пахнет тройным одеколоном... но все тот же, увы, хлам!

Если хочешь добиться чего-то значительного в будущем, перевоспитывай себя сейчас же, начинай работать сразу, не рассчитывая, что в будущем все придет к тебе сразу само – и ум, и мастерство, и талант. Разве я не понимаю этого? Конечно, понимаю! Но не стараюсь следовать своим же мудрым советам.

Я не умею думать, как все люди (а откуда я знаю, как думают другие люди?). Я думаю диалогами чаще всего. В собеседники себе выбираю людей, конечно, которые глупее меня (даже в том случае, если собеседник умнее меня, я делаю его глупее – мне это ничего не стоит, а самолюбии приятно и лестно), разговор ведется в остроумных тонах – я его «режу» – или в публицистически нравоучительном тоне (разумеется, с моей стороны), собеседник в таких случаях слушает, виновато опустив голову, щеки пылают стыдом. Бывает, что в этих диалогах мне уже за 50 лет, я уже известный в мире режиссер, писатель, путешественник и пр. Собеседник – целая аудитория: или это большая толпа, встречающая меня после поездки за границу, – перед ними я говорю необыкновенно «мудрую» речь о жизни и об искусстве, или аудитория состоит из молодежи, которая слушает, задыхаясь от напряжения, придавленная моей необыкновенной эрудицией к стульям, о сущности искусства нового времени.

Я начинаю догадываться, что мои мысли становятся все более художественными. Чтобы подумать о простой вещи, мне необходимо быстро нарисовать очень яркую картину психологического характера, где главное лицо – я. Передо мной четко вырисовываются лица говорящих людей, на этих лицах – все тончайшие нюансы движения мыслей и души. Я угадываю, куда клонит разговор тот или иной собеседник.

Собеседниками бывают хорошо или плохо знакомые люди. Если это хорошо знакомый, то мой «художник» – воображение – рисует его мельчайшими подробностями по старым наблюдениям. Правда, «художник» часто грешит против объективной передачи ради красоты и эффектности – пока что он не реалист. То же самое происходит и со знакомыми только издаля людьми. Или в беседах управляет моя интуиция, пока что тоже плохая художница. Я много вмешиваюсь сам в творчество мысли.

Связь между творчеством художника и образом его мышления.

* * *

Праздник прошел серо, обыденно. Приятно, когда после долгих трудов оглянешься на сделанное и удивишься самому себе – неужели это сделал я? – приятно сделать передышку, наметить дальнейший путь и снова – в труде. Такая недолгая остановка в трудном пути должна называться праздником.

Все это я говорю для того, чтобы лишний раз назвать себя сволочью и сказать, что даже на самый маленький праздник я сегодня (да и в будущем недели две-три наверняка) не имею права. Взгляд на прошлые «труды» не вызовет в моей душе приятного удивления. Постоянно мечусь (но не творчески), все ищу нового, не освоив старого. Воли нет у меня! Надо прямо признаться себе в этом и повести борьбу – это уже будет началом воспитания.

Праздник. День Конституции. Но для меня этот день 5 декабря звучит иначе. Он прежде всего говорит мне о том, что еще один год прошел, а я топчу одно и то же место уже не первый год. До сих пор не могу окончательно выбрать план действий и меняю его каждую неделю. То я хочу снова поступать на режиссерский, то вообще никуда не хочу поступать и пробиваться своим путем, то хочу поступать на исторический – нет, года через три. Последний план, пожалуй, самый мудрый (при условии, если я его действительно осуществляю).

До 1.7.58 г. я решил работать на какой-нибудь небольшой работе, где уходит минимум времени, с таким расчетом, чтобы все время отдавать на занятия свои. Лучше всего устроиться в газету. Но до декабря нужно сделать многое: написать 5–6 лекций, густых по содержанию, оригинальных по теме. И писать, писать, писать ежедневно, писать не просто, а обдуманно, постоянно находить новые слова, сочетания и пр. И главное: писать образно. Афоризмы, каламбуры, парадоксы и пр. Речь должна быть живая, неожиданная, не литературная, а совсем новая.

В 1960 г. я собираюсь поступить на исторический факультет МГУ (обязательно МГУ, потому что жить нужно в Москве). В 1958 г. я обязан создать кружок из преданных любителей искусства и литературы.

Мне уже 25 лет. Этого не следует забывать. В перспективе остается не так уж много – легкомысленные иллюзии на этот счет смешны. Сейчас я понимаю, вернее, начинаю понимать, что приступить к «Хронике» вплотную, непосредственно, я буду в состоянии к пятидесяти. Разумеется, при одном неслыханном условии, что готовить себя и материалы к этой работе (очень интенсивно, систематически, не сбавляя скорости, скорее наоборот – увеличивая скорость) начну с сегодняшнего дня. Если после своего рождения 25 лет я провел с преступным беспутством, растратил все 25 лет почти что попусту, то последующие годы, вплоть до дня смерти, я должен трудиться, трудиться и трудиться!

* * *

Может быть, снять один день жизни нашего города. Простой рядовой день. Но какой? Летний, зимний, весенний, осенний? Солнечный, пасмурный? Выберем. Трамвай утром (на работу), работа днем (разные люди – на заводе, на Каме и пр.). Разные люди. Юмористические картинки. Столкновения на одной работе, бездельничанье на другой. Кроме работы – дети и школьники, художники, артисты. Вечер. Танцы. Театр. Провожание. Заснять утро на кладбище (?). На могиле влюбленная пара.

* * *

Собираясь сюда, в Березники^[1], я думал, что с первого же дня у меня будет масса новых впечатлений, масса новых мыслей и чувств, рожденных этими впечатлениями. Ничего подобного, мысли и впечатления появляются, но они скорее продолжение старых моих мыслей и чувств, чем плоды новых впечатлений. И так всегда (не могу найти выхода и средств, чтобы исправиться), мечтаю, планирую на будущее, не считая настоящую работу, сегодняшнюю – главной или даже серьезной. Нужно избавиться от этой губительной черты характера! Чем раньше, тем лучше.

Чувствую, как на меня набегают очередная волна пессимизма. Нет, это не пессимизм, это хандра, недовольство собой, чувство одиночества, роль не получается (хотя меня и хвалят за нее; нет, никакой удачи нет, просто я не мешаюсь – это хорошо), поиски нового искусства чрезвычайно замедленны (много планирую, мало делаю, преступно мало!).

Тысячу раз я говорил себе: нельзя допускать, чтобы из-за мелочей страдало большое дело. Втянулся в мелочную болтовню в гримерной, чувствую себя прескверно после таких разговоров – гадко и душно на душе. Чем кончатся мечтания эти комнатные? Чем кончатся попытки построить свое мировоззрение на философии предков далеких? (Неплохо, начинаю думать по-новому, в стиле нового искусства!)

Почему же, когда я вижу и чувствую хорошие отношения между людьми, почему же у меня накатываются слезы? Почему мне хочется тут же говорить с этими людьми о своих секретах, тайнах, мечтах? Почему мне кажется, что для них это будет праздником? Почему я думаю в это время об отношениях будущего?

Разве это не генеральная тема «Безымянной звезды»?

Откуда мелодрама в искусстве? Борьться с ней, бороться за здоровое искусство. Не говорить так: взгляните, как они любили друг друга, взгляните, как он борется за идею. Нет, надо говорить: да, они страшно любят друг друга, да, ведь он готов умереть за идею, но это естественно, так должно быть.

* * *

1958 г.

Теперешние раздумья ни к чему не приведут. Надо действовать. Надо решить: кем быть? Историком или кинорежиссером?

Занимаешься, занимаешься, пичкаешь себя книжными и житейскими премудростями, начинаешь постепенно веровать в свои силы, убеждаешь других (это легче всего) в своей мудрости. И вдруг перед каким-нибудь серьезным испытанием начинаешь волноваться и неожиданно обнаруживаешь, что совершенно пуст и головой и душой! Куда все уходит?!

В овладении опытом и знаниями я отличался самостоятельностью. Почему? Я был болезненно самолюбив и застенчив (второе возникало от первого – кстати, интересная тема: обманчивость скромности), что мешало мне расспрашивать. До всего доходил сам.

Порой кажется, что причиной серьезных, переломных поступков у людей служат незначительные, мелкие события. Но это только кажется. До того, как произошло это незначительное событие, в душе человека происходила долгая, противоречивая, бурная подготовка перелома в жизни. А то, что перелом произошел из-за незаметного события, это просто показалось.

Может быть, создать в кино образ нового Дон Кихота (вывернуть наизнанку): раньше человек, желавший добра всем людям, боровшийся за справедливость, считался чудаком. Сейчас, когда рождается новый мир, изменились и чудаки. Те «мудрецы» – мещане, которые смеялись над Дон Кихотом, сами превратились в чудаков. И вот новый Дон Кихот поедет по всему миру насаждать свободу предпринимательства. Для этого, думаю, стоит пойти во ВГИК.

Только десятки лет самого напряженного труда, может быть, принесут мне кое-какую известность. Тогда я буду мудр и наверняка постараюсь забыть, что сейчас я уже сотни раз пережил эту известность в своем воображении, «выступая» перед десятками аудиторий со «скромными» и «мудрыми» речами, дал много интервью журналистам всех стран, запросто беседовал с Пикассо, Шолоховым, Чаплиным и другими.

Вспоминаю, как я получал аттестат зрелости. Зал большой. Нас, учеников, родителей и учителей удивительно мало. От этого как-то неуютно в зале. Откуда-то появились букеты цветов, деятели из родительского комитета на ходу инструктировали нас, кому и как отдать букеты. Кто-то дал сигнал, мы высыпали на сцену, где ищем педагога. Сунул кому-то свой букет с виноватой улыбкой.

Стали вручать аттестаты. Сначала торжественно наградили медалистов. Потом пошли остальные. Я был среди последних. Мои родители были задеты. Не так хотелось бы им. Но смолчали.

Ходили на Каму смотреть рассвет. Хотелось прочувствовать по-настоящему торжественность момента. Но ничего не получилось. Чувствовалась какая-то жалость к самому себе, разочарование (будто меня обманули) и усталость. Настоящая торжественность и радость приходят очень редко. Это я понял после.

Раньше смысл жизни был в том, чтобы выжить самому, для этого и объединялись в кучу. Со временем смысл жизни становился все шире и шире, он уже распространялся не только на себя и на близких, но и на других людей, и на тех, кто еще не появился. Теперь уже человеку не все равно: умрет Человек, если погаснет Солнце?

Если веришь в свою цель, если стремишься к ней, то не бойся потерять даже друзей, которые мешают тебе. Значит, стоят они того, чтобы их теряли.

* * *

Итак, начинают вырисовываться, наконец, контуры моего нового искусства: новая образность, новая авторская философия, интернациональность. Ближайшая задача: удешевить усилия для того, чтобы углубить, развить эти контурные предпосылки нового искусства в рамках старого. А это необходимо.

Я не хочу, чтобы мое искусство служило лишь разрушению старого. Оно должно быть началом нового искусства. Одним словом – искать, искать, искать!

* * *

Человек поет песню. Она трогает других. Но ведь в песне выражена тоска или радость только одного человека. Почему же она трогает и других? В людях, вероятно, больше общего, чем различий. Каждый человек прячется от других. В песнях он как-то намеками открывает дверцу потайную в свою душу для других. А те, другие, заглянув, угадывают причину тоски, вспоминают о своей. Каждый грустит о своем.

* * *

Зрители думают (особенно молодые), что актеры – необыкновенные люди. То же думают актеры о героях, которых они изображают на сцене. Вот и получается карусель. А герои-то и есть те самые зрители.

* * *

Нужно развивать в себе чувство юмора, как и чувство музыки. Юмор – признак ума. Но очень редко сочетание юмора и благородства. Чехов, Л. Толстой (отчасти), Шолохов, А. Толстой. Нужно развивать в себе юмор, но не превращать его в простое зубоскальство. Это опасно. В жизни есть чудесные юмористы. Держатся просто, серьезно. Действует их юмор безотказно. Но стоит выпустить такого юмориста на сцену, он становится неузнаваем – юмор исчезает, хотя человек говорит те же шутки. Почему? Нет естественности. В жизни он не думал о том, как ему держаться, – это у него уже выработалось само собой, у него была одна цель – сделать или сказать посмешнее. На сцене он стал думать о том, как ему держаться. Необходима большая практика на сцене, чтобы появилась естественность. Ведь в жизни, особенно в молодости, тоже есть период, когда человек привыкает к жизни, заботится о том, как вести себя. Есть и такие люди, которые...

Злые люди не те, кто вспыльчив и нетерпелив, а те, кто рано понял свою ограниченность и рано стали притворяться роботами и прилежными исполнителями тех людей, которые были умней их и талантливей.

* * *

О творчестве в житейском поведении людей. Бывает, человек равнодушен к кому-то или чему-то, и разговор его пуст. Но бывает, что люди от рождения до смерти живут как принято, поступают и говорят как принято. Это страшно.

Кажется, нашел неплохой путь к актерству и режиссуре. К этим двум ответвлениям моего будущего творчества (пусть звучит громко! Зачем стыдиться таких слов?) я решил идти через третье, не менее серьезное и важное, чем первые два (но как бы важны они ни были для меня, по-прежнему важнейшим занятием для меня остается литература, а важнейшее в литературе – «Хроника», поэтому все ответвления моего искусства должны крепко вращаться в главный ствол – «Хронику»).

С каждым днем все больше верю в свою мечту. Наверняка (это я уже теперь знаю точно) осуществление ее произойдет после меня, но такое открытие не огорчает меня нисколько. «Хронику» я все равно напишу. Это будет начало интернационального коммунистического реализма по-русски.

Когда люди начнут говорить на одном языке? Какой это будет язык? Я не знаю. От многого зависит наступление времени всеобщего языка, слияния всех народов в единую человеческую семью.

Тщательно изучить и развить тему взаимозависимости общественного сознания человека с его биологической природой (возрастные биологические изменения и их взаимоотношения с сознанием человека). Готовить себя не только как режиссера, но и как педагога-режиссера. Планы и мечты подхлестывают, а сил и времени нет.

* * *

Долго ли мы живем? На Земле-то?

* * *

Трудно привыкнуть к бесконечности пространства во Вселенной, еще труднее привыкнуть к бесконечности времени в жизни Вселенной. Наша жизнь ничтожно коротка, и мы меряем океан ковшами, поэтому нам трудно почувствовать и принять всю Вселенную.

Когда люди будут свободно передвигаться во Вселенной – сколько мировых трагедий и необыкновенных историй откроет перед нами Вселенная! Вряд ли доживу до тех дней. Но и не жалею, что родился «рано».

* * *

Сегодня у нас в театре выходной день. Чувствую себя отлично. Хотя и трескуче покашливаю. На улице ранняя весна: солнце греет по-матерински, в воздухе носится микроб любви и обновления, появляется желание стряхнуть с себя все лживое и старое, хочется пересмотреть весь свой багаж, извлечь со дна то, о чем забыл, что нечаянно придавил ненужными и бесполезными вещами. Хочется начать жить сначала. Начинаю думать о людях, которые по мягкости характера не смогли дойти до своей цели. Меланхолические мысли.

На душе камнем лежит мысль о моей жизни в Березниках, нелепой, пустой, слабовольной и подлой (от своей же мягкотелости). В будущем я напишу об этом: как из-за своей мягкотелости человек стал подлецом. Надо круто менять режим своей жизни. Круто! И сейчас же!

* * *

Началась моя обновленная жизнь в родном городе. Вот уже три дня числюсь актером Пермского областного театра драмы. Пока еще ничего не знаю, хожу в театр и смотрю спектакли. Вчера у меня была длительная беседа с главным режиссером. Для чего говорили? Вряд ли на это я отвечу, да и он тоже. Хорошего разговора так и не получилось. Он никак не может забыть во время разговора, что он главреж и заслуженный деятель искусств. Говорил очень мягко и тепло о задачах и целях Высокого Искусства. Но осадок от его речей пакостный. Этот стиль разговора мне уже знаком. Он выдает людей, ограниченных своим тщеславием. Эрудиция и общая культура ничего не меняют.

Тяжело начинать все сначала, но, видимо, без этого не обойтись мне в Перми. Опять, как в Березниках, придется пройти неприятный путь возникновения из неизвестности, опять впереди 3–4 месяца тупой тоски. Наберись терпения, Жора, и юмора. Приготовься к борьбе. Итак, впереди неприятная борьба за свое место в театре. Правильно ли я сделал, что, не подготовившись тщательно к столь ответственному и серьезному делу, как создание нового театра на новых эстетических началах, начинаю собирать вокруг себя людей?

Как же вести себя? Мне кажется, не нужно торопиться с тем, чтобы перетаскивать их в свою веру. Тихонько, основательно подготовить их к самостоятельности в искусстве, воспитывать на живых людях, на окружающем нас, на своих собственных ошибках. Последнее очень важно. Приучить людей к смелости в отношении к собственной ограниченности, воспитать в них непосредственность и непредвзятость восприятия.

В искусстве каждого настоящего художника обязательно должна быть основная линия, линия утверждения.

В работе актера значительно труднее добиваться утверждения своей творческой темы. Ведь не всегда играешь те роли, на материале которых можно изложить свои мысли и идеи. Но и в искусстве актера возможно создавать на любом материале свою тему. Для этого нужно остроумие. Не об этом хотел записать. В каждом отрицательном герое нужно находить положительную тему, пусть она сломлена и задавлена. Показать ее обязательно.

Идут споры о том, изображать героя на сцене или жить жизнью героя на сцене. Даже стали говорить о том, что изображение – это школа представления, а «жизнь» – это школа переживания. Напутали так, что сам черт не разберется. Изображение и представление, точно так же, как и «жизнь» и переживание, – не одно и то же. И говоря о представлении и переживании, нужно говорить о заинтересованности и о равнодушии.

Дело все сводится снова к философии, к творческому поведению, к авторской философии. Опять – к главному.

Брехт и Станиславский. Понимаю и принимаю обоих. Один говорит: иди от себя, если бы... и т. д. Другой говорит: встречал ли ты где-то такого человека, которого собираешься играть? Принимаю обоих.

Открыл в себе артистизм. Мои шалости с друзьями – это не что другое, как артистизм. Каждый раз, балуясь, я импровизирую какой-то образ, очень близкий мне, выросший во мне. Надо всячески сознательно воспитывать в себе артистизм. Но всегда в границах органики. Границы тоже расширять.

Каждая роль, каждый спектакль должны вынашиваться, копиться в опыте актера и режиссера, воспитываться в их органике через каждую деталь точно так же, как изобретатель и ученый вынашивает и создает большие научные открытия, как писатель или поэт вынашивают и рожают поэмы, романы и пр.

Чтобы осуществить свою мечту (и особенно в искусстве), нужно обогнать ее прежде, пройти сначала мимо нее, выше, а потом вернуться снова к ней, чтобы осуществить ее. Обязательным считаю условие – после сделанного большого дела у человека должен остаться большой запас сил. В искусстве не должно ни в коем случае улавливаться напряжение, огромная затрата энергии, усилий и т. д. Должна ощущаться величайшая свобода и легкость художника.

Искусство создается от избытка, а не от усилия. Я говорю об искусстве исключений, об искусстве, на опыте которого и нужно учиться.

Я долго уводил злых и подозрительных охотников. Уводил от людей. И остался один. Судьба художника?

1962–1964 гг. Из записных книжек

У меня на глазах машина переехала собаку. Удивительно просто. Бежала собака, какая-то породистая собака, я не знаю, как называется эта порода, но такие собаки мне нравятся, у них большие уши, веселый нос и добродушный характер, она выбежала на середину дамбы и ее подшиб, подмял грузовик с прицепом. Очень просто. Я пишу, у меня дрожит душа, и меня раздражают обыкновенные слова, которыми мне приходится передавать эту дрожь на бумаге. Я никогда не забуду крика этой собаки! Никогда! Никогда не забуду другой собаки, которую переехал трамвай в ту спокойную будничную ночь в трамвайном парке. Я не забуду ту лошадь, которая стояла недалеко от нашего дома, у нее была сломана нога, я видел, как она повисла на коже, было видно белую кость и очень яркую красивую кровь, я не забуду, как метался голубь без головы, когда его переехала машина, как по всей улице долго летали и не успокаивались его перья, я отлично помню мальчика, которого сшиб поезд, где-то на полустанке, посреди России, я помню его – он лежал в тамбуре, и от волнения – или это было на самом деле так – я не мог понять, где его руки, где ноги. Я помню его мать (как я хорошо ее запомнил!), помню ее крик звериный – горе мне, если я забуду этот материнский крик! – она шла вдоль поезда, а мы, медленно набирая скорость, обгоняли ее.

Я еще раз прошел мимо того места, где машина сбила собаку. Она сидела на дамбе живая. Около нее лежал кусок хлеба. Кто-то пожалел и бросил. Глаза! Глаза! Я хочу, чтобы ты всегда сидела, собака, на моем пути, чтобы каждый день душили меня слезы при виде твоих глаз, чтобы однажды я не выдержал и закричал на весь город, на весь мир от боли.

Я понял теперь много. Я понял, что такое искусство и для чего оно должно существовать. Я понял крик Дон Кихота. Я понял муки Гамлета: и не до конца, конечно, понял главное – суть искусства. Это – крик радости или крик боли.

И все просто. Боль возникает неожиданно: идет обыденно, буднично жизнь – и вдруг! А радость?

Когда буду работать над Дон Кихотом и Гамлетом, нужно будет много ходить на кладбище и смотреть похороны, плач родных, ходить в анатомический театр и везде, где можно подглядеть человеческую боль, чтобы крикнуть один раз!

* * *

Поймал себя на неприятной мысли о моем постепенном превращении в профессионального актера. Для других это привычная и нестрашная фраза – профессиональный актер. Для меня эта фраза – приближение смерти, трупный запах.

Сегодня на репетиции неожиданно для самого себя сказал гениальную мысль. Лев Толстой сказал потрясающую по своей простоте мысль: все подлецы находят общий язык, они быстро объединяются. Хорошим людям нужно делать то же самое – объединиться и договориться между собой.

Так вот, художник – писатель, артист, живописец, музыкант – это организатор, человек, занимающийся объединением хороших людей. Поэтому главным в его творчестве должна быть его жизнь, его творческое поведение, а не мастерство (понимаю этот термин как ловкость, умение пользоваться приемами театра, слова и пр.). Вот поэтому непрофессиональность – это главное в искусстве. Вот поэтому Габен и Смоктуновский, Щукин и Моисси и другие актеры гениальны и неповторимы.

Я должен активно бороться за мир! Я обязан. Нужно стать общественным деятелем. Дружба народов, сближение. Нужно знать хорошо друг друга, изучать друг друга, для этого необходимы новые качественные отношения театра с действительностью и новые качества – культуры, образования, знания языков и многое другое. Писать об этом в театральных изданиях.

* * *

Смерть – пропасть. Нам кажется, что смерть у нас впереди. А она сбоку, она все время с нами. И каждый из нас в любое время имеет право на нее. Смерть – это не пропасть впереди, это пропасть рядом, сбоку, мы идем вдоль нее. И смерть – шаг в сторону. Пропускаем вперед идущих за нами. (Непонятно, откуда явилась эта «глубокая» мысль. Записал так, для памяти.)

* * *

Вчера впервые играл на сцене Кемеровского театра. Играл Шалковского в «Безупречной репутации». Все говорят, что неплохо. Я же чувствую себя гнусно. Ничего мерзостней у меня еще не было в жизни. Разве только первый сценический провал (клуб МВД, когда мне было 9-10 лет).

К лекциям по эстетике. Только новые идеи рождают новое искусство. Только новое искусство рождает новую этику.

Скатывание в старое искусство, к старым идеям обязательно влечет за собой мещанскую мораль, разврат (не столько физический, сколько идеологический, финансовый и пр.). Обязательно связать все настолько, чтобы слушатели поняли: отрываешь одно – умрет остальное. Это важно. Завтра премьера «Клопа». В Кемерове мне определенно не везет. Гнуснейшее чувство бездарности, отсутствие таланта, да не только таланта, а просто способностей. Начинаю понимать, что такое повеситься и пр.

* * *

Почему я рассказываю о своих успехах, и даже не об успехах, а просто хвастаюсь и выдумываю то, чего и не было? Почему я это рассказываю людям, которым не следует говорить ничего? Потому что мной руководит в это время тщеславие! Оно у меня огромное. Отсюда моя глупость, ограниченность. Опять эта неумолимая связь: эгоизм – глупость.

Мне 30 лет. Но как часто я подавляю в себе это монотонное, тупое «ма-а-а-ма... ма-а-а-ма»...

Никогда никому не скажу об этом. Стыдно. Ко мне люди идут за рецептами жизни, за правилами искусства. Как жить? Как творить? Я понимаю ответственность свою за них, за искусство, за будущее. А в душе копится «ма-а-а-ма».

Летом поеду в Москву, повезу свои идеи. Хочу схлестнуться с богами на равных. Пора уже. Уверен в себе, в своих идеях. Но перед матерью чувствую себя всегда ребенком. И никогда не пытаюсь стать перед ней взрослее.

Приехала мама. Как я и предполагал, ругается. Почему худой, почему прокуренный, почему мало сплю, почему мало ем. Дома появились кастрюльки, чашки, ведро, холодильник заполнился продуктами. Смешно. Сигареты от мамы прячу. Курю в театре. Как мальчишка. Очень не хочу ее расстраивать. Люблю ее. Очень.

* * *

Кемерово. Сезон начинается очень обыденно. Не по-праздничному. Ничего нового, ничего интересного не ожидается. Приедут новые актеры из таких же старых и скучных театров, как наш. Сначала будет даже интересно. Новые женщины. Новые мужчины. Начнут намечаться романы. Потом все станет на свои места. И начнется игра, «подгонялочка». Зритель не ходит, «надо комедию!», «А что кушать будем?!».

Много думаю о студии. Смотрю на нее, как на очковую змею. Пристально разглядываю, изучаю, но ничего не предпринимаю для самозащиты. И не могу направить ее жало в цель. Работу еще не начали. Все довольны, как дети. Получили, наконец, игрушку, о которой мечтали.

Три дня тому назад начали гастроли в Новосибирске. Сегодня мне стало стыдно. Стыдно за себя, стыдно за театр, в котором я работаю. Жалкий провинциализм нашего театра, убожество мысли, беспомощность в средствах выражения не могут не сказаться и на людях, которые работают в этом театре. Хожу по широким улицам огромного города, насыщаюсь масштабами его, многолюдностью, разнообразием человеческих лиц, характеров, личностей, и тоска охватывает меня, тоска по настоящему искусству. Страшно не хочется быть пешкой в руках у посредственностей: страшно обидно, что я не могу показать что-то нужное, необходимое людям, показать им со сцены что-то яркое, интересное.

Карьера – не то слово, которым можно обозначить мои отношения с искусством. Будь горд! Не унижайся! Не мудри, не занимайся политикой. Занимайся искусством, жизнью, людьми. Будь прям, честен, не выпрашивай у судьбы случайного счастья. Твое счастье не такое. У него все другое – вес, цвет, вкус. Оно трудное, но настоящее. Будь достоин его.

Все мое несчастье в том, что я живу, как ночная бабочка, которой суждено жить в дождливую ночь

1964–1990 гг. Записные книжки

Москва

Мечта о завтра начинается сегодня.

* * *

В конце концов судьба преподносит мне тяжелые испытания в стиле Сервантеса или еще чего похуже. Надо к тому времени быть образованным и духовно готовым, чтобы родить свое детище. Я верю в мудрую и жестокую судьбу.

* * *

Написать острую дискуссионную статью.

Будто бы о поступающей в театральные вузы молодежи.

Сослаться на свой опыт, чтоб не было иллюзий на мой счет. Дескать, самородок. Нет и нет! Трудяга.

Приятно прийти от людей, которые потом будут говорить про тебя «наш», которые будут болеть за тебя, будут следить за каждым твоим шагом. Твоя жизнь и жизнь этих людей будут постоянно и невидимо связаны. Это будет оберегать тебя. И горе тебе, если забудешь, откуда ты, чей ты сын, брат, друг, посланец, выдвигенец. Я заметил, что желание стать артистом связано у многих молодых людей с желанием оторваться от прошлого и начать новую красивую жизнь. Финал один! Ничтожество. Цель диктует средства: такой студент выбирает в процессе учебы лишь то, что ему необходимо. И проходит мимо профессии. «Жорка, иди в артисты!» Талант должен опережать желания. Он должен вести человека, а не ночные честолюбивые видения. Быть артистом можно везде, не только в профессиональном театре или в кино. Артист – это прежде всего бескорыстный доброволец праздника души.

Театр окружает нас повсюду, мы постоянно дышим театром. Надо заразиться театром у себя на месте, найти его у себя дома и уж с этим театром заявляться в столицу. Это театр твоей Родины. Его не спутаешь ни с какими другими. Неповторимые характеры, сценки, конфликты (комические, драматические, мелодраматические, трагические). Научись театральному языку Родины. Услышь и увидь его. Для этого нужен талант – увидеть и услышать.

Научись вбирать **в себя** увиденное и услышанное. И научись смеяться и плакать **над собой**. Смеяться над другими – это несвойственно русскому таланту. Пусть люди смеются над тобой, незаметно избавляясь от собственных недостатков. Если будешь издеваться над другими, соберешь вокруг себя злых людей, которые и тебя презирают, но слушают тебя сейчас, потому что сейчас ты им нужен. Прежде других будешь смеяться над собой – соберешь вокруг себя добрых людей. Вот они-то и вытолкнут тебя на сцену, выдвинут, как своего представителя. Для этого не требуется никаких путевок, никаких формальностей. Ты сам почувствуешь: пора.

Когда начинается в Человеке искусство? Тогда ли, когда я увидел лошадь со сломанной ногой? Или когда я впервые узнал о смерти и вдруг меня пронзила мысль, что мои родители умрут?

Или когда молоденький солдатик бросил тетрадку и весело крикнул: «Смотри, учишь хорошо!»? Или когда я впервые пошел в школу? Раньше я провожал ребят в школу, однажды даже попал на урок, откуда меня с позором вывели. Или когда я ушел за военным оркестром на кладбище? Или когда я впервые попал в колхоз и увидел, как бедно живет народ мой? Или когда я влюбился и выставил свои акварели для своей любимой сушиться в окно, для нее, конечно же, а ребята устроили над ней целый спектакль?

Я долго буду набирать смешные (глупые) очки, чтобы зритель все больше и раскованней смеялся надо мной. Я буду до самого последнего оттягивать момент, когда я все накопленные очки глупости опрокину на зрителя. Но и в этот момент зритель не поймет еще, что глупец-то он и есть, зритель. Он просто перейдет от смеха к слезам. Но все еще по поводу меня. Лишь потом, по дороге домой... или гораздо позже.

Насилие над талантом рождает насилие над жизнью. Идет организованная война против природы.

Мы стоим на пороге Нового Театра. Нужны новые пьесы, новые актеры и новая театральная публика. **Театр – это религия поколения.** Поколение умирает и рождается новая игра (религия). Но есть еще и христианство! Из него уходят (в новую религию) и под конец возвращаются в лоно христианства.

Неужели таким образом может возникнуть новая религия?! Вряд ли. Но без театра все рухнет. Религия социализма (концлагерь, рабство) возникла насильно, но предварительно была проведена мощная игра по всему миру. И выпала России кровавая доля – быть полигоном для чудовищного эксперимента. Большевики прорвали самое слабое звено цивилизации: Россия только что вышла из крепостничества.

ТЕАТР должен вернуть ЖИЗНЬ в человеческие берега.

Люди отпускают усы, бороды, носят самые разнообразные платья, очки, трости и т. д. Мода, скажут. Нет, театр! Вся наша жизнь пропитана театром.

... Не люблю играть людей исключительных. Меня привлекает человек, который внешне мало приметен. Непоказной, скромный, но с ярким внутренним миром, несущий в себе неповторимость, индивидуальность характера. Интересно играть людей трудовых, работающих, влюбленных в свое дело и передающих уважение к труду другим людям.

Характер – это явление. Нечастый гость на нашей Земле. Точно так же, как талант или любовь. Стандартизация настигла и редчайшие явления. «Делай вместе с нами, делай как мы, делай лучше нас». Что-то вроде этого. Характеру, любви, таланту стали обучать, как грамоте или арифметике. Характер возникает редко, через труд и усилия многих поколений. Искусство воссоздает из жизни – я говорю о характерах – то, чего еще нет, но что необходимо. В этом смысле мы уже идеализируем жизнь, наполняем смыслом, ей, жизни, не присущим. Мы, по сути, имеем дело с сырьем, которое требует высокой технологии, чтобы превратиться в духовный продукт времени. Характеры – это самосознание нации. Характер – это талант, а талант национален. Вернее, характер – это подступы к таланту. Стандартизация хочет подменить собой театр, т. е. игру в характеры, подменить всеобщей повинностью. Иметь «принципиальный характер» обязан каждый. И еще. Действительный характер – это завершение большого цикла работы многих поколений. На характере можно и проиграть в естественном отборе, если характер возник на низком уровне духовной культуры. Тогда он, характер, ставит под угрозу гибели труд многих поколений, склонен к бунту против «старой» расстановки сил в жизни. А что же такое характер? Подступы к таланту? Характер – причина многих недоразумений: власть, любовь, талант, слава. Все близко уже. Характер – исходная трагедия, предвестник ее; «пример для подражания» – это характер взаймы.

Любопытно проследить за превращениями одного человека от глубокого одиночества до участия в массовом мероприятии. Как будто это два совершенно различных человека. Мы даже за собой не замечаем: метаморфозы происходят с нами постоянно.

С корреспондентами ведешь разговор на языке толпы. Значит, не обязательно быть в куче, чтобы «толпиться».

Психология толпы и природа театрального искусства (особенности театрального сопереживания) – элемент неосознанного смеха или плача. **Общее** побеждает **частное**. Рождается особенное искусство – театральное. Потом объясняй.

* * *

Хватит плевать друг другу в лицо: ясно, что разногласия у нас идеологические, мировоззренческие. Следовательно, корыстные. Сейчас не преследуется, как особо опасное преступление, «строительство» на стороне, т. е. **активное неучастие** в борьбе за улучшение жизни, т. е. в борьбе за власть. Не надо строить театр. Надо разбить рядом с театром **свое** шاپито.

Благотворительность в искусстве может быть искренней. Но помнить: делая добро, будь готов к смерти.

Интересно в этом плане самоубийство русской интеллигенции (история, последовательность): убивай себя во имя добра своего к народу. Достоевщина? Выше бери! Русская интеллигенция – героическая интеллигенция. Самосожжение.

* * *

Когда является талант, его надо убить. И все средства хороши при этом. И сколько сил и выдумки тратится на убийство! А после смерти теми же людьми талант канонизируется.

Это говорит не о злодействе людей, а об их тайных амбициях.

Как и где и в каких условиях возникают таланты? Самые разнообразные? Неформальные, как модно сейчас говорить? Государство попыталось **все** взять в свои руки и поставить «службу таланта» на государственный конвейер. Есть талант – делай государственную карьеру! На учет и под контроль государства взяли все сокровенные ручейки и ключики. Кончилось это мероприятие катастрофой.

* * *

Если людям не мешать, они и коммунизм построят.

Но снова тот же почерк: не дают собираться больше трех. Все контролируют. Не дают возникнуть талантливому делу. Нет ходу патриотизму: «не задерживайтесь в патриотизме, проходите в интернационализм...» Играют словами, понятиями. Крутят, шельмуют, не дают людям сосредоточиться. Человека не видят. Рыщут, выискивая «идеи» для тиражирования. Тоже, кстати, удивительно универсальный способ убийства. Например, тиражировать «Павлика Морозова».

Поиски таланта трудны еще и потому, что золото ищется в породе. Надо сначала найти место, где есть порода такая, потом убедиться, что она золотиносна, лишь потом приступить к промывке огромного количества породы. Надо еще помнить, что ищем-то мы не песчинки золота, а самородки. Нам же предлагают вагон песка, неизвестно откуда взятого, да при этом требуют выполнить план. Крупинка в таком случае – счастье. А остальное – мусор. Даже не похожий на золото. Естественно, золотоискатели уходят, а на их место приходят «специалисты» по свалкам и помойкам.

Степень храбрости (даже героизма!) в искусстве и в жизни. Хотя это одно и то же. От чего оно зависит? Одна и та же правда, сказанная разными людьми (циником и совестливым), может иметь противоположные последствия, т. к. разные цели преследуют.

Сам человек, его жизнь, поступки, характер находятся в неразрывной связи со словами, которые он произносит.

Степень храбрости – это и талант. Он не возникает сам по себе. Талант – достояние общее? Нет! Талант – это личность.

Как сократить сферу влияния и деятельности злых корыстных людей, не переходя в репрессии. Как сделать, чтобы они не укрывались после подлых и опустошительных набегов в укрепленных опорных пунктах должностей. Как сделать, чтобы авторитет таланта не подкреплять постом или должностью. Чтобы он значил сам по себе.

Как сделать, чтобы лидер возникал из жизни, а не из закрепления на должности. Ведь, значит, кто-то наблюдает за нами, как кукловод, расставляет нас. А кто за ним следит? Будто мы. Смех один.

Притворство задушило Театр. Всякое мало-мальское проявление истинного Театра моментально тонет в потоке подражательства, растаскивается, разворовывается.

Основная масса театральных деятелей напоминает стаю рыб, которые в секунду съедают живого быка, оставляя только мычащий скелет. Удивительно быстро молодыми людьми усваивается спекулятивный характер современного театрального режиссера. Вовсе не обязательно мучительное самостроительство. Личность художника, его талант не представляют в наши дни никакой ценности. Более того, талант обременителен. Умение слепить спектакль из дорожных знаков, т. е. на языке социалистической фени, вот что сейчас ценится. Это умение даже не предполагает каких-то личных качеств художника. Ловкость рук, и никакого мошенства. Художественная идея? Идеи летают в воздухе. Умей слушать, вернее – подслушивать, и будет у тебя полная пазуха идей. Воровство идей, как и воровство книг, не позорно, а модно.

Есть категория «честных ремесленников» в современном театре. Люди упрямые! Выставляют свою «честность» напоказ, выхваляются ею. А на поверку «честность» оборачивается серостью и ленью. Торгуют никому не нужным хламом, ошарашивая покупателя модной тер-

минологией. «У меня творческая тема – добро». И все. Хоть лоб расшиби. Насмотрелись на Смоктуновского, на Евстигнеева, смекнули, что это модно, и, не утруждая себя, объявили «свою тему».

Женщины-актрисы вообще понаглее в этом деле. И вот льют пьяные слезы над своей «творческой темой», до того им сегодняшним жалко себя за эти самые «темы». Мужики, те поироничнее, похитрее. Сам утонет в собственной иронии, но и остальных утопит. Циник, пошляк, деляга! А вот поди же ты, ироничен – и все. И не подкопаешься. Вся жизнь из одних неудач. Но до конца дней своих будет отстаивать свою «ироническую тему» или «право на импровизацию».

Притворщики другого толка похитрее будут. Выдумщики! Они все придумают, все объяснят и все строго научно. Не подкопаешься. Комар носу не подточит. Идеологически обоснуют все. И вроде бы даже оригинально. Но на деле таким гнильем несет от всего этого, спасу нет. И самое главное: ходят на службу, как обычные чиновники, – нет театра. Сознаю, что мелочи театральной жизни затягивают меня, мешают поднять голову и осмотреться. Во что бы то ни стало надо избежать мелочной войны, избежать схватки внутри театра-гнилушки. Ибо нет ничего страшнее и нет ничего глупее бездуховной войны. А только такая война случится, если всерьез отнестись к проблемам современного театра да еще в масштабах одного театра.

Современный театр может восприниматься как часть Театра, как ничтожно малая величина в общем карнавале жизни. Лишь так можно избавиться от зловония, которое беспомощный и нищий духом современный театр распространяет вокруг себя. Люди современного театра видятся мне безнадежно больными с растерянно блуждающим взглядом. Они понимают, что не могут двинуться с места, но на что-то еще надеются.

Откуда придет спасение, не знаю. И в смерть свою верить не хочется. Уж больно неожиданно косая настигла их, опомниться не успели.

* * *

Как вплести свою судьбу (судьбу рода даже) в судьбу Родины, России. Иногда актер бывает слаб: занимается пропиской в историю других людей. В основном это дело ничтожное, пустая трата времени...

Нетерпеливость художника в ожидании славы – плохая услуга искусству. Элита знает эту способность, она создает вокруг художника хоровод обожания. Возникает видимость состоявшегося акта искусства.

И волки сыты.

Нетерпеливость – явление естественное, без него нет художника. Но... Я мучился, переживал, что у меня получился такой длинный и трудный путь в искусство. А сейчас даже рад тому, что не было раннего успеха. Первый успех не всегда приходит по сути, а чаще по молодости, непосредственности, выигрышности внешних данных. Это может обернуться катастрофой, так как вдруг окажется, что его нечем закрепить. А подтверждение необходимо.

Трудно стать актером, но еще труднее остаться, быть им.

Талант, вспыхнувший в одном человеке, – это новое самостоятельное искусство или, если угодно, новая религия. И только наш страх перед пространством, перед бесконечностью заставляет нас (и обладателей талантов тоже) быстро приписать талант к той или иной религии, к виду искусства. Мы боимся отойти от традиций. Хотя при смелости нашей возникли бы новые, неизвестные еще традиции. Но мы боимся. Чего? Возникает новая (опять общая!) религия-искусство-нравственность. Земная религия. Без пророка нет отечества. Основание веры, монастыря. И возникает поселение, град. **Пророк должен быть признан при жизни.**

* * *

Основная масса считает, что талант – дело наживное. И презирают его в душе. Всенародный референдум, чтобы окончательно убедиться в том, что большинство против Таланта. Мы проживем без талантов! Но люди просто так не сознаются. Нужны новые тесты, чтоб выманить правду. И новый глубокий разговор должен начаться: «На колени, раб!»

Бдительность и Вера в человека. Ищи врага. Ищи человека.

Изначальность хомо советикус – в ненависти к Человеку. К отдельной личности. Бдительность несовместима с демократией и верой в Человека. Поиски врага народа (советской власти, партии, социализма и пр.) надолго отодвигают веру в Человека. Власть худших всегда против Человека. От имени народа они могут уничтожить по одному всех.

* * *

Закрытое письмо одному режиссеру

Дорогой друг! Наконец-то я понял то, что мешает нам. Разница между нами в том, что Вы художник Государственный, а я – Национальный. И то и другое понятие – социальные. Только Государство и Нация, к сожалению, находятся у нас в постоянной и непримиримой войне.

Мы же с вами притворяемся, что это несущественно и не может помешать нашей дружбе.

Хотя активно участвуем в этой войне. И из этого многое вытекает.

* * *

Искусство выдающихся актеров заманчиво и обманчиво своей простотой. Так и кажется, что так вот, как играют они, может сыграть каждый. Чем талантливей, тем искусство его доступней. Умозрительность. Я хожу в театр, в кино, присматриваюсь к понравившимся мне актерам, в уме прикидываю, смогу ли я так играть, как они, и прихожу к выводу, что да, смогу. И не понимаю, что делаю большую, роковую ошибку, потому что между **могу** и **хочу** дистанция огромного размера. Мы видим результат, но не видим гигантского труда, который стоит за этим, казалось бы, очень простым и всем доступным результатом. Почти все актеры, которые составляют цвет нашей культуры, шли в искусство своим особым, индивидуальным путем. Бондарчук, Шукшин, Банионис. Всех не перечислить.

Что такое актер? – спрашивает Ф. М. Достоевский. И сам же отвечает, актером надо родиться, подразумевая, очевидно, особую расположенность к лицедейству. Мы обычно, говоря слово «талант», имеем в виду нечто общее, нечто универсальное. Мол, талант у меня есть, а дальше – мое дело! Захочу – пойду в актеры, захочу – в физики, захочу – в дипломаты. Ан нет! Талант связан с чем-то одним, естественным. И угадать свой талант, не ошибиться в себе и в своей будущей профессии – задача чрезвычайно трудная.

Сегодня у меня появилось жгучее желание написать по крайней мере две откровенные статьи о театре. Откровенные, резкие, исповедальные. Начать первую статью с того, что моя дочь в этом году не поступила в театральное училище. Потом перейти к разговору о чудовищном конкурсе, о судьбах тех мальчиков и девочек, которые не попали в театральное училище. Написать о том, что каждый человек должен иметь свои убеждения и должен уметь отстаивать их. Писать просто, откровенно и спасительно. Главное, писать о том, что есть, а не о том, чего нет, но о чем почему-то принято писать. Я хочу разобраться, что случилось с моей дочерью, и хочу помочь ей найти верный ответ и сделать правильные выводы из случившегося. Потом я подумал: а разве те девчонки и мальчишки, которых постигла та же участь, что и мою дочь, не нуждаются в таком же совете и добром напутствии?

Вот почему я решил написать для газеты. Тем более, что все это лет 30 тому назад я сам пережил и перечувствовал, и хорошо знаю, чего это стоит. Не верьте мальчикам и девочкам,

когда они «легкомысленно» и даже «весело» кривляются: «Не прошел – ну и что! Не больно и хотелось!» Они ранены. Они растеряны и нуждаются в помощи. И в доброжелательном совете! Моей дочери одна «неудачница» весело сказала: «Буркова тоже не приняли». Правильно, так и было.

Все мое несчастье в том, что я живу, как ночная бабочка, которой суждено жить в дождливую ночь.

* * *

На закате жизни человек вспоминает детство и **поступки**. Их, поступков, набирается за всю жизнь мало. Если жизнь человека состоит из одних «поступков», то мы имеем дело с профессиональным революционером или с вымогателем-профессионалом. Но у политиков нет поступков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.